

Галина Семькина

Одесские очерки П.П. Свиньина*

<П.П. Свиньин>

Взгляд на Одессу

(Из живописного путешествия по России изд. «Отеч. зап.», 1825 г.)

14-го августа, возвратясь в Севастополь из любопытного путешествия по Южному берегу Крыма, я узнал, к крайнему своему удовольствию, что на другой день отправлялся к эскадре, крейсировавшей в 30 милях от порта, бриг «Гонец», и, горя желанием обозреть на самом действии Черноморский флот, славящийся своею красотою, я без труда исходатайствовал себе местечко на бриге.

В 10 часов поутру «Гонец» мастерски при сильном ветре подошел под корму адмиральского корабля, и командир одного, капитан-лейтенант Щербаков, отрапортовал в рупон о благополучном состоянии своего судна, донес о моем прибытии. Тотчас спущен был катер с «Императора Франца»**, и как я удивился, найдя на корабле графа Михаила Семеновича Воронцова с супругою и большою свитою, прибывших за несколько часов до меня из Одессы проездом в прелестный Юрзуф свой! День сделался прекрасный, ветерок ровный, свежий; адмирал воспользовался оным для угощения нас самым приятным, а для многих совершенно новым зрелищем – морских эволюций и примерного сражения. Сделаны были сигналы: построиться эскадре в две колонны, потом поворотиться двумя же колоннами на другой галс через фордвинд,

* Окончание. Начало в кн. 52.

** Имя адмиральского корабля.

П.П. Свиньин.
Картины России и быт разноплеменных
ее народов. Санкт-Петербург, 1839

там построиться в линию батальи одному за другим. С сим последним – в минуту сии громады скрылись за «Пименом», следовавшим за адмиралтейским кораблем. Скорость и правильность таковых движений доказали, до какой степени совершенства доведен Черноморский флот попечением адмирала Грейга, а нам представили удивительное, ни с чем несравненное зрелище, так что оно припомнило мне слова Петра Великого, который, командуя тремя соединенными флотами, сказал: «Если б я не был императором, то старался бы быть адмиралом». Наконец, легким судам: бригу «Орфею», бригаantine «Елисавете», яхте «Утехе» и шлюпу «Диане» – дано было повеление вступить между собою в сражение, – и мы

увидели, как слабейшие суда, дав полный залп по сильному неприятелю, старались уходить, обманывать его смелыми внезапными оборотами своими или старались зайти ему под корму; как и тот, угадывая намерения своего поборника, громил его, следуя за всеми его движениями, прибавляя и убавляя беспрестанно паруса свои, обращая все внимание к отбитию у него такелажа; ибо потом легко было бы овладеть самим судном.

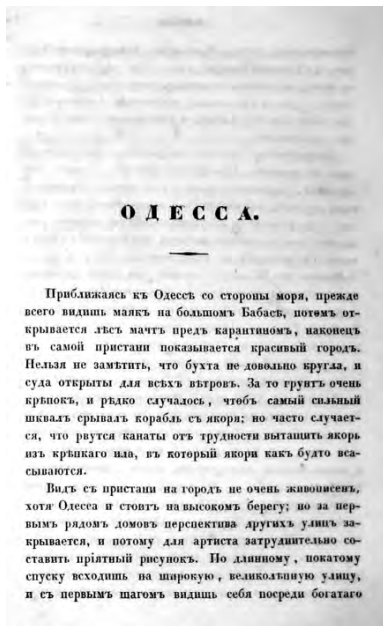
Прекратилась война, утихли громы, съехались командиры со всех судов, и мы при звуке прелестной музыки пошли за мирный обед, который сколько был изобилен, столько и весел. Сему последнему легко поверить, когда узнаешь, что за столом сидело более 40 особ, что в числе оных были пришельцы с отдаленнейших краев света, люди различных званий и службы, кои

столкнулись странным случаем в один тесный круг! Можно вообразить, сколь разнообразна, жива и занимательна была сия беседа – за вкусными избранными блюдами, приправленными нектаром Крыма и Франции. В свите графа Михаила Семеновича я встретил двух известных писателей: гг. Л. и Н. Хвала русскому боярину, покровительствующему русские таланты и русскую словесность.

Слава о Черноморском флоте нисколько не увеличена: корабли один другого величественнее, стройнее! Алексей Самойлович избирает для судов, строящихся в здешних портах, чертежи с известных английских ходоков и боевых судов. Таким образом, стопушечный корабль «Император Франц» построен по размеру знаменитого «Victory», на коем Нельсон одержал Трафальгерскую победу. Увеличив его несколько в длину и ширину, он усугубил еще достоинство и выгоды сего корабля, почитавшегося лучшим во всем британском флоте.

Так как «Гонец» назначался в крейсерство, то адмирал без затруднения дал ему приказание отвезти меня в Одессу; а сие избавило меня от скучного переезда через степи перекопские и доставило случай покататься по Черному морю – четвертому, находящемуся в пределах России.

23-го мы вышли из Севастополя при благополучном ветре, останавливались на несколько часов при эскадре и 25-го после обеда кинули якорь на одесской рейде подле брандвахты. Плавание наше кончилось весьма благополучно, несмотря, что мы испытывали почти всё, что можно встретить на море: штиль, ужасную

Очерк П.П. Свинына «Одесса»
в книге «Картины России и быт разноплеменных
ее народов». Санкт-Петербург, 1839

качку, шквалы, грозу, дождик и, наконец, со вчерашнего вечера прекрасную погоду, ровный ветерок, который скоро успокоил волнение моря и нес бригантину нашу на всех парусах, между тем как мы не чувствовали ни малейшего движения. Сегодня с рассветом показался маяк на большом Бабасе, потом лес мачт в Карантине; но город открылся не прежде того, как мы стали уже на якорь. Стоянка здесь весьма невыгодна, ибо бухта не кругла, и суда открыты для всех ветров. Зато грунт очень крепок, и редко случалось, чтоб самый сильный шквал подрейфовал корабль; напротив, суда часто теряют якоря свои, ибо рвутся канаты при поднятии оных. Грунт состоит из крепкого ила, составляющего сверху род коры, под коею он жидок, так что якоря как будто в него всасываются.

Вид с рейда на город не весьма живописен, хотя оный стоит на высоком берегу, и тем более что не видно внутренности его за первым рядом домов, а потому очень затруднительно для артиста составить из оного приятный рисунок. Получив вследствие клятвенного объявления нашего за подписанием всех офицеров, что во время плаванья мы не встречались ни с одним кораблем и т. п., позволение съехать на берег, мы вышли на пристань военной гавани. По длинному покатуму спуску всходишь на широкую великолепную улицу и с первым шагом видишь себя посреди богатого многолюдного города. Удостоверение сие увеличивается по мере приближения Ришельевскою улицею к центру города: по обеим сторонам оной встречаешь огромные дома в 2 и 3 этажа, магазинны, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казино, полные посетителей.

Заняв в клобе* № 14-й, имеющий балкон на Ришельевскую и де Рибасовскую улицы, я на первый раз удовольствовался наблюдением оттуда непрерывного движения, продолжавшегося на улицах далее полуночи. Прекрасные кареты, коляски, кабриолеты, верховые, возы с товарами, разнощики, разноцветные, разнородные группы гуляющих по тротуарам сменяли попеременно сцены, являли благотворные следы торговли, с властью и могуществом коей может равняться одно очарование; которая одному

* Лучшая гостиница в Одессе. За две комнаты платил я по десять рублей в день.

велит сходить в недра земли или спускаться на дно морское, другому подниматься выше облаков, которая назначает круг действия гренландскому рыбаку и готтентотскому зверолову; которая была началом всех важных открытий и усовершенствований; которая, наконец, не с большим в 30 лет сии дикие пустыни населила многолюдными деревнями и сотворила город богатый, великолепный, не уступающий многим древним столицам Европы. Этому едва ли найдем подобный пример даже в Северной Америке.

Когда я предавался сим размышлениям, посетил меня И. А. С. (кого я тотчас уведомил о своем приезде), один из ближайших свидетелей счастливого возвышения Одессы. Достаточно заметить слова его, чтоб представить верный взгляд на историю сего города.

Страна, где лежит Одесса, приобретена Россиею в силу мирного трактата с Турциею, подписанного в Яссах 1792 года. Находясь между устьями Буга и Днестра на пространстве 50 миль ширины и немного более в длину, она представляла необозримую степь, где не встречалось ни одного обиталища, и война изгнала даже народы, кочевавшие на оной с давних времен с своими стадами. На месте самого города находился старинный замок турецкий – *Гаджи-бей* называемый, который взят был у турок в 1789 году адмиралом Рибасом, и по заключении мира с Портою приступлено было к устройению здесь порта, столь важного по близости от Украйны, не имевшей до того возможности сбывать избытки своих богатств. Сколько в уважение сих удобств, столько и потому, что гавань Одесская не всегда замерзает, мудрая Екатерина предпочла сие место всем прочим, несмотря на предстательства многих сильных того времени людей, утверждавших, что торговые порты должно учреждать при впадении больших рек в море, где кораблям безопаснее стоять и способнее нагружаться; что продукты государства могут удобнее и дешевле проходить изнутри водяным сообщением и, наконец, в случае войны неприятельский флот встретил бы более затруднения войти в реку, чем сделать нападение на место приморское. Несмотря на сии в некотором отношении полусправедливые истины, императрица не поколебалась в своем выборе – махнула творческим жезлом своим, и в 1796 году открылся одесский порт, к коему в конце

того же года пришло до 60 австрийских, итальянских, турецких и греческих кораблей, вокруг пустынного замка образовались улицы, возникли хорошие казенные дома, и многие иностранные купцы установили свои конторы.

Европейские державы, увидя вскоре выгоды, которые должна была доставить сия торговля, употребили свои усилия, чтоб получить право свободного плавания по Черному морю. И когда Порта даровала оное в 1802 году после Амьенского мира, сперва французам, потом англичанам, там пруссакам, голландцам, рагузинцам и Республике Семи Островов, то Одесса сделалась главным портом и средоточием торговых дел на Черном море.

К счастью сего города, управление оных поручено было в следующем 1805 (1803. – Г. С.) году Дюку де Ришелье, с полною властью, необходимою в краю столь отдаленном от столицы; и сей почтенный благонамеренный муж вполне оправдал доверенность к нему монарха, доведя мерами кроткими и благо-разумными торговлю Одессы до самого цветущего положения. Он не упустил воспользоваться всеми средствами к усилению и распространению сей важнейшей отрасли государственного благосостояния. По его предстательству уменьшен таможенный сбор, учреждены Коммерческий суд, банки промена и учетов, Купеческий суд; преобразован Карантин, определены иностранные консулы, предоставлены городу доходы винного откупа и пятая часть таможенного сбора. Сии незначашие при вступлении Дюка капиталы, ибо первый простирался не свыше 14 тысяч руб. в год, а последний – 28 тысяч руб., возведены им были вскорости – винный откуп до 375.000 т., а таможенный более миллиона! В сей прогрессии двинулись вперед и прочие части благосостояния Одессы. Город нуждался в пресной воде для напоения скота, стекающегося в великом множестве с возами разного хлеба – Дюк устроил огромное водохранилище, удалившее совершенно сие неудобство. Не только воздвигнуты им великолепные храмы для разных вероисповеданий, но дома странноприимные и гостиницы для вспоможения страждущему человечеству. Ришелье основал и довел до цветущего состояния Гимназию и училища для наставления и воспитания юношества. Его попечением устроена большая плотина для охранения кораблей от бурь, рынки, казар-

мы для гарнизона. Самыя удовольствия и увеселения публики обращали особенное внимание Дюка: им выстроен прекрасный театр, разведен публичный сад, воздвигнута великолепная зала для балов и каменные тротуары, осененные деревьями; наконец, недоставало ремесленников в рождающейся колонии, и Ришелье поселил в ней многие семейства трудолюбивых немцев, выбранных из числа пришедших тогда обитать в краю новой России. Скоро население Одессы возвысилось до 35.000 обитателей, и имя Дюка де Ришелье будет навек благословляемо в здешней стране.

По любви моей к археологии я поставил себе первую обязанностью на другой день посетить г. Бларамберга, знаменитого здешнего антиквария. Его собрание древностей особенно достойно примечания по множеству достойных предметов, извлеченных из развалин древней Ольвии. Г. Бларамберг в короткое время умел собрать самый любопытный в своем роде кабинет, в коем заключаются следующие предметы:

1). Собрание мраморов с надписями греческими, статуй и барельефов, к несчастью, вообще поврежденных. Между ними особенно замечательна одна небольшая статуя женщины, высокой работы. В числе надписей некоторые в честь Аполлона, другие посвящены Ахиллесу Понтарху, т. е. покровителю мореплавателей в Понте Евксинском. Сии последние найдены на острове Березине, находящемся против устья Днепра, на коем ольвийские греки имели храм, посвященный Ахиллесу: плователи приносили тут жертвы для испрошения себе счастливого пути.

2). Великое число предметов из глины (*terre cuite*), как то: амфор и других родов ваз, ламп, статуй и проч. Некоторые из сих вещей в совершенной целости, но большая часть состоит из обломков. В числе сих последних примечательно многочисленное собрание ручек, оставшихся от глиняных кувшинов, в коих, вероятно, хранилось вино. На всех ручках видны различные изображения и имена их мастера или чиновника, мастерами заведовавшего (астинама). Между обломками ваз замечательны многие куски с лепными и живописными изображениями изящной работы, принадлежащей к лучшим временам искусств в Греции.

3). Множество различных металлических и других вещей, бывших в употреблении у древних обитателей Ольвии.

4). Богатое и единственное собрание монет города Ольвии. В Каталоге, изданном г. Бларамбергом в 1822 году в Париже, описано 200 разных монет ольвийских; но собрание сие с тех пор еще увеличилось. Мало есть греческих городов, которые бы в монетах своих представляли подобное разнообразие. Полагая, что каждой описанной монеты г. Бларамберг имеет по 2 или 3 экземпляра, собрание его должно состоять из 500 и до 600 одних ольвийских монет, в числе коих есть многие, до появления его каталога никем не описанные, как например: золотые и серебряные с изображением Аполлона и лиры, Геркулеса и палицы и проч. В числе медных трудно бы было исчислить все по его каталогу, сделавшиеся известными ученому свету. Ольвийские монеты с изображением императоров римских, в кабинете г. Бларамберга находящиеся, представляют Септимия Севера, Юлию Домну, Каракаллу, Гету, Александра Севера и мать его Юлию Мамею. Сим кончится последование императорских монет: что и заставляет г. Бларамберга думать, что Ольвия была разрушена варварами вскоре после Александра Севера.

5). Прекрасное собрание древних монет, в различных местах по берегам Черного моря и собственно в Ольвии найденных и принадлежащих разным царям, городам и народам, вокруг Черного моря обитавшим. Собрание сие г. Бларамберг называл *Нумизматическим Периплом Понта Эвксинского*. Тут замечательны многие драгоценные монеты удивительной сохранности, найденные в 1824 году на острове Тендре, древнем *Ахиллесовом ристалище*; далее монеты, доселе еще бывшие неизвестными: *Скилура*, царя скифо-тавров, современника Митридатова и царя *Инфимея*, совершенно в истории неизвестного, но который, вероятно, предводительствовал скифами в окрестностях Ольвии, где и монета сия найдена. В числе монет царей боспорских особенное внимание заслуживает прекрасная и редкая монета царя Левкона, жившего во времена Филиппа, отца Александра Великого, найденная в одной древней гробнице в Керчи.

6). Небольшое собрание мраморных и глиняных обломков с надписями и изображениями, найденных на острове Тендре. На одном мраморе видно изображение Ахиллеса в шишаке и со щитом в руке; на других начертано имя сего героя.

7). Мраморное изображение во весь рост Потамона Александрийского, учредителя школы эклектической, избиравшей из прочих сект все лучшее и полезнейшее. Драгоценный сей памятник превосходной греческой работы найден в развалинах Халкидона, против Константинополя, где, вероятно, Потамон кончил дни свои и был погребен.

8). Большое собрание бронзовых кумиров, ламп и других вещей древних, найденных в развалинах Геркулана и Помпеи и приобретенных г. Бл. в Одессе от одного путешественника.

Г. Бларамберг, не довольствуясь тем, что богатое собрание его открыто для всех любителей наук, и особенно истории и древностей, сделал еще от избытков своих значительное пожертвование для положения основания учрежденному в Одессе по распоряжению правительства публичному Музеуму, который и был открыт 9-го сего августа. Пожертвование его состоит: 1) Из собрания разных древностей египетских; 2) собрания разных кумиров и вещей из бронзы, найденных в Геркулануме и Помпее; 3) собрания золотых, серебряных и медных монет разных императоров римских, начиная от Августа; 4) собрания монет разных греческих царей и городов, особенно стран понтийских; 5) собрания отборных книг, касающихся до истории и археологии.

Надобно надеяться, что и другие хранители древних вещей последуют г. Б. и вскоре обогатят сие рождающееся заведение подобными пожертвованиями. Музеум сей помещен на первый раз в небольшой беседке его сада, отделанной в приличном для сего виде.

Другое подобное собрание, не менее любопытное и характеристическое, принадлежит Ивану Алексеевичу Стемпковскому. Оно состоит из монет числом более 1000, собранных большею частью по берегам Черного моря. В нынешнем году оно получило приращение несколькими любопытными медалями, найденными на острове Тендре. Собрание сие заключает в себе значительное количество монет: ольвийских, херсонских (херсонесских. – Г. С.), пантикапейских, фанагорийских и тирасских. Императорские монеты сего последнего города, в соседстве Ольвии на берегу Днестра (где ныне Аккерман) стоявшего, простираются от времен Домициана до Александра Севера. Выше замечено, что и оль-

вийские оканчиваются также на Александре Севере, почему ясно видно, что Ольвия и Тира почти в одно время существовать перестали. Полковник Стемповский особенное старание прилагает о собрании монет древних царей боспорских для объяснения истории оных, и успел уже соединить изрядное количество таких монет. Между ними особенное внимание заслуживает одна очень редкая, царя Митридата III, с изображением царицы, его супруги*, и три монеты царя Радамеадиса, о коих полковник Стемповский напечатал в 1822 году особенное известие, и которые до того времени совершенно были неизвестны. Радамеадис царствовал во времена Константина Великого**. Полковник Стемповский имеет также у себя прекрасную вазу***, вроде этрусских с изображениями, найденную в 1823 году в Одессе. Она особенно любопытна как единственный памятник пребывания древних греков на том месте, где ныне стоит Одесса. Полк. Стемп. сделал сей вазе особое описание, с присовокуплением изысканий о древних греческих поселениях по берегу Черного моря между Днепром и Днестром существовавших****. Из изысканий сих видно, что на том месте, где построена Одесса, находился в древности так называемый Истрианский порт (Istrianorum portus), упоминаемый в Аррияновом Перипле Понта Евксинского.

Остальное время дня посвящено было мною обозрению любопытных храмов богослужения.

Собор здешний может похвастаться одним из прекраснейших в Русском царстве. Пол из белых мраморных досок, а алтарь устлан марсельскими кафелями, наподобие мозаики. Местные образы хорошей академической работы и покрыты серебряными

* Описание сей исторической монеты было помещено в «Одесском вестнике» 1827 года, февраль.

** Богатейшие собрания монет царей боспорских кроме эрмитажного находятся в Вене, куда поступил славный кабинет Тевполо из Венеции, в Париже и в Минхине. Сей последний составился из драгоценного кабинета Казинери, бывшего французского консула в Смирне и Салонике. Между частными собраниями боспорских монет известно в Париже собрание г. Алье д'Отерот, находившегося несколько лет консулом в Ираклии Понтийской (ныне Пендераки).

*** Ваза сия находится ныне в одесском музее; вместе с ней хранится другая, еще любопытнейшая, найденная также в Одессе в 1826 году и описанная в «Отеч. зап.», июнь 1827.

**** Исследования сии помещены в майской книжке 1826 года «Отеч. зап.».

ризами, ярко вызолоченными; утвари и ризы церковные поддерживают гармонию прочего богатства. У северных дверей замечателен образ Божией Матери высокой итальянской кисти; он пожертвован покойным И.К. Фродингом. На бронзовой доске описана история сего отличного произведения *Palmo vecchio*, а в недавние времена одна незнакомка, пришедшая под вуалем, принесла на образ сей и серебряную ризу. Плащаница, униженная крупным жемчугом, а венец – драгоценными камнями, – есть также пожертвование частного человека. С особенным удовольствием можно послушать и соборных певчих, кои голосами своими уступают разве одним черноморским и делают особенную честь своему попечителю отцу протоиерею Петру Семеновичу Куницкому, знаменитому сподвижнику и другу преосвященного екзарха Гавриила.

В *Греческой* церкви с благоговением поклонялся бранным останкам патриарха Григория, замученного турками в Константинополе в день Св. Пасхи 1821 года и брошенного с камнем в море, но чудесным образом спасенного на греческом корабле, шедшем в Одессу, который и привез его невредима от тления.

Внутренность храма распещрена разными сказаниями из Апокалипсиса, а в паперти замечательно изображение Ада, написанное в Иерусалиме каким-то русским художником Димитраки, который превзошел, кажется, воображение самого Данте, напустив, в том числе на употребляющих румяна, змей, кои сосут щеки у грешниц!

Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М.А. Нарышкиной.

Старообрядческая сделана по плану собора в меньшем разmere и, кроме старинных книг и некоторых икон, не заключает ничего достойного замечания.

Лютеранскую, к крайнему удивлению, я нашел устроенную в ветхом магазине. (Это было временно: ныне построена прекрасная Лютеранская церковь и открыта для богослужения в 1827 году.)

Напротив того, *Синагога* – в самом цветущем положении, как по числу, так и по богатству прихожан.

Успенский монастырь, находящийся на Бабасе, в 10 верстах от Одессы, если не заключает никаких достопамятностей, то делает честь своему основателю г. Теутулу, который пожертвовал сие прекрасное место со всеми садами для архиерейского подворья, между тем как католики предлагали ему за оное 50 тысяч рублей. Исполнилось и желание сего почтенного мужа: заложенный им маяк, на который он также пожертвовал 14 тысяч рублей, ныне кончен и освещается лампами. Любопытна история сего маяка: в одну бурную осеннюю ночь Теутул слышит стук у дверей своего хутора, бывшего на сем месте, и пред ним является беловласый старец. «Ты видишь, – сказал он, – одного из мореходцев, пострадавших у берегов сих от тебя: огонь в хуторе твоём принят мною за городской, и я направил корабль мой на камень, о который он разбился. Грех и проклятия падут на тебя от многих, подобных мне, если ты не воздвигнешь здесь маяка для отвращения бедных мореходцев от верной гибели».

Следующий день я начал посещением Ришельевского лицея, принесшего в весьма короткое время столь много пользы просвещению. Питомцы первых годов его основания особенно отличались своею образованностию, и не могло быть иначе: Дюк де Р. был привязан душою к своему творению, посещал почти ежедневно сие заведение, поощрял детей к соревнованию, так что отличных из них приглашал к себе в праздники на обед и удостоивал их разговорами. Воспитанники при таком поощрении делали чудесные успехи, родители получали неограниченное доверие, и вскоре комплект лицея, на 120 человек, наполнился; но вскоре и сие прекрасное заведение по удалении герцога имело, как и прочие подобные учреждения, свой упадок. Я нашел в нем не более 63 воспитанников, из коих каждый платил за учение и содержание свое 1200 рублей. Строение лицея хотя довольно огромно, но заметно, что было временное. Ришелье намерен был воздвигнуть для сего великолепное здание за крепостию у моря, которое бы стоило несколько миллионов. Уже и план оного сделан Монфераном за 15 тыс. рублей.

Разделение детей по возрастам мне весьма нравится; не только учение, но и самые забавы приурочены к летам, а потому у каждого возраста свой класс и свой двор для забав. Несколько

воспитанников обучаются на пожертвованные Дюком де Ришелье деньги, составляющие до 16 тыс. годового дохода с аренды, за службу ему от щедрот государя пожалованной, и которые он предоставил на воспитание бедных дворян, и в особенности сирот, оставшихся после отцов, которые убиты в прошедшую кампанию против французов. Сии воспитанники называются педагогами и должны по окончании курса прослужить 6 лет надзирателями и адъюнктами при лицее. По ходатайству основателя, он сравнен с университетами, и выходящим с хорошими аттестатами отличным воспитанникам предоставлены права студентов.

О *военной гавани* несколько сказано мною выше. Присовокуплю к тому, что как она, так и *купеческая*, ограждены высокими насыпями или мулами, вдавшимися в море сажен на 200. Они обложены камнем и так широки, что по ним повозки без затруднения подъезжают к кораблям для нагрузки или разгрузки оных. Глубина купеческой гавани от 23 до 8 футов, и как она год от году приметным образом мелеет, то собираются ныне ее чистить*. Мула ограждена высокою каменною стеною, за коею на самом берегу морском выстроена прекрасная ресторация для пассажиров и капитанов, живущих на кораблях и остающихся в карантинном положении. Тут стоит и бот для спасения от кораблекрушения с полным экипажем при офицере, готовом подать руку помощи при малейшей надобности кораблю, идущему с моря.

Карантин занимает все пространство уничтоженной крепости. Магазины для прокурки и проветривания иностранных товаров довольно пространны, а пассажирские домики, числом 23, где выдерживают положенный срок, хорошо расположены на горе и обсажены деревьями, отчего в них при самом большом жаре бывает приятная прохлада. Для переговоров находится несколько домиков, где за решетками, отделенными довольно большою пустотою, имеют свидание городские жители с пассажирами, не выдержавшими срок карантина; ныне строится для сего же весьма красивая галерея, от коей недалеко и харчевня, снабжающая карантин всякими кушаньями и вином за весьма умеренную цену: по 30 коп. порция и рубль за бутылку хорошего вина. Чумное отделение выстроено совершенно вновь и с большими

* Работа сия производится уже, и очень успешно. (Пр. [авка] 1829 г.)

удобствами и предосторожностями, найденными необходимыми после ужасного опыта прошедшего 1812 г., когда в четыре месяца от сего ужасного бича рода человеческого Одесса лишилась десятой части своих жителей, и торговля восстановилась не ранее 1814 года. Доселе еще не узнано совершенно, отчего возникла эта язва в городе. Рассказывают различным образом, в том числе я слышал, будто она распространилась от сундука, брошенного на улице, с платьем и разными пожитками, кои растасканы были народом прежде, чем дошло сие до сведения полиции; и сие ужаснейшее злоумышление приписывали Наполеону, силившемуся в то время ослабить, уничтожить Россию*. Одесские жители вспоминают с благоговением о попечениях, оказанных при сем несчастном случае добрым Ришелье страждущему человечеству. Тогда как Одесса представлялась обширною гробницею, тогда как всякий помышлял о самом себе, один Дюк де Ришелье презирал опасности и, подвергая жизнь свою непрерывно одной, пекся о спасении других: одне неисповедимые Судьбы могли сохранить его для счастья тысяч его сограждан**.

Брандвахта, стоящая в версте от берега, делает предварительный осмотр всем судам, и при малейшем сомнении насчет чумы, не допуская до гавани, отправляет таковое судно в карантин.

После сего заходил я в городскую гошпиталь, которая существует с 1808 года и содержится в таком же порядке и чистоте, коими славятся все человеколюбивые заведения в России.

Вечер провел приятно в театре, давали Россиниеву оперу *Italiana in Algieri* – и весьма порядочно для нестоличного города, которому стоит сия забава, как я слышал, до 30.000 рублей в год! Театр снаружи гораздо лучше, чем внутри. Он, кажется, построен по рисунку знаменитого Парфенона, хотя с большими изменениями и упущениями. Ложи в три яруса, и еще раек; партер начи-

* Никак нельзя верить, чтобы сие было следствием умысла. Чума в то время свирепствовала ужасно в Константинополе; в четыре месяца умерло там до 200 тыс. человек. Корабли приходят оттуда в Одессу иногда в 2 и 3 дни. Мудрено ли было завезти чуму, которая, вероятно, прокралась посредством какого-нибудь контрабанда.

** Дюк де Ришелье несколько раз входил в больницы, наполненные зачумленными людьми. В 1813 году он не оставил ни одного зачумленного места в Херсонской губернии, не посетив одного. Провидение невидимо охраняло его.

нается у оркестра, а кресла за ним идут амфитеатром. Места в сих последних по 3 р., а ложи в первом ярусе 20 р.

Бульвар здешний по местоположению своему может называться одним из прекраснейших в Европе! Он расположен по возвышенному берегу моря, которое представляется отсюда во всей красоте своей с обеими гаванями и карантинном, усеянными кораблями. С другой стороны обращен к нему ряд прелестнейших домов, кои сделали бы украшение и самой столице Севера, каковы: генерала Орлова, гр. Болеслава Потоцкого, кн. Лопухина и пр.; но он несказанно выиграет еще, когда кончится постройка великолепного дворца графа М.С. Воронцова, воздвигаемого у самого конца бульвара, и когда вниз по крутой горе – от полукружной колоннады до военной гавани – разобьется прелестный сад в английском вкусе***. Наконец на будущее лето ожидают из Петербурга и великолепный бронзовый памятник Дюку Ришелье, который воздвигает ему благодарная Одесса и который поставится на площади, оставленной нарочно пред бульваром****.

Одесса не может похвалиться своими окрестностями, кои доселе представляют гладкие безводные степи; только покатоги или, лучше сказать, крутизны морского берега изменяют несколько картину монотонности и скудости природы и доставляют возможность развести приятные загородные мызы и хуторы. Лучшим из оных может почестся дача г. Рено*****.

Прекрасное живописное положение сие весьма легко можно обратить в романтическое обиталище фей – и с небольшими издержками. Материалы готовы для подземных глубоких гротов, шумящих каскадов, великолепных фонтанов, для уединенных морских купален – между дикими скалами, для разного рода хра-

*** Как тот, так и другой, с утончением роскоши и вкуса, уже кончены и составляют лучшее украшение города, а пребыванием в сем замке государя императора и государыни императрицы Александры Федоровны останется оный незабвенным в летописи истории. (Пр.[авка] 1829 г.)

**** И монумент также поставлен на своем месте и открыт прошедшего 22 апреля при подобаемом торжестве. Памятник сей есть одно из примечательных произведений знаменитого скульптора нашего Мартоса и изображает на гранитном подножии покойного Дюка де Ришелье во весь рост, держащего в одной руке сверток, а другую указывающего на порт, им созданный.

***** Государыня императрица Александра Федоровна изволила занимать ее во время пребывания своего в Одессе.

мов, беседок, капризов; нужны больше всего: добрая воля и вкус. Здесь замечательна мраморная колонна, взятая, вероятно, из турецкой мечети, посвященная памяти доброго Ришелье. Высокий берег, как стеною, окружает сие владение, так что только приближаясь к самому краю оною, вы можете усмотреть сады и дома под ногами вашими. Не в дальнем расстоянии от него, ближе к городу, хорошенькая дача генерала Кобле*, в коей всего замечательнее длинная крытая лестница, ведущая с горной дороги к самому дому, стоящему неподалеку от моря.

Возвращаясь пред захождением солнца в город, за версту встречены мы были пыльною атмосферою, плавающею в виде тумана над Одессою. Несмотря на сие, утверждают, что как пыль, так и грязь несравненно уменьшились в городе со времени вымощения главных улиц по Мак-Адамовой системе. К сожалению, работа сия не может идти успешно за неимением крепкого камня в окрестностях Одессы. Для поощрения корабельщиков привозить оный вместо балласта сделаны некоторые облегчения: в том числе свозится с их судов таковой балласт казенными судами, между тем как для песчаного отведено отдаленное место.

Попечением незабвенного Дюка де Ришелье разведен и публичный сад. Он невелик, но заключает много тени и служит, подобно петербургскому Летнему саду, единственною отрадою и укрытием от летнего зноя людям, не имеющим возможности отлучаться на дачи. В нем есть беседки и палатки, где можно во всякое время найти прохладительные напитки, фрукты и мороженое.

Близ самого города устроены купальни в море, что доставляет немалое удовольствие и выгоды здешним жителям и приезжающим пользоваться полезным морским купаньем.

В клубе, имеющем прекрасную, довольно просторную залу, построенную во время Дюка де Ришелье наподобие московской залы Благородного собрания, дают по воскресеньям и праздникам балы, кои бывают блестящи, особливо во время стечения многих фамилий из польских губерний для коммерческих оборотов и лечения морскими ваннами. Вообще же можно легко заметить, что одесские жители ведут жизнь более на манер иностран-

* Ныне принадлежащая генералу Курису, сподвижнику Суворова.

ный, нежели русский, то есть – живут более на улице, чем в домах, более участвуют в публичных собраниях, чем угощают у себя.

Наконец, чтоб довершить картину Одессы, должно сказать с некоторою подробностью о здешней торговле. Она состоит почти из одного торгу *пшеницею*, коею снабжается отсюда Южная Европа и которая от самой низкой цены: 6 и 7 рублей за четверть возрастает иногда до 40 и 50 руб., судя по требованию! Вот отчего в 1816, 17 и 18 годах помещики вокруг лежащих имений и купцы сделали неимоверные фортуны на одной пшенице, а теперь она имеет мало сбыту. Хлеб же привозится в Одессу наиболее из губерний: Подольской, Волынской, Киевской, Екатеринославской и Херсонской.

Ежедневно приходят в город несметные обозы, коими заставлена большая часть улиц и площадей; магазейны, находящиеся почти при каждом доме**, наполнены пшеницею: здесь ее ссыпают, там перецищают или *грохотят****, так что на каждом шагу вы видите сей продукт, бывший единственным источником богатства сего порта, превращающийся на самом месте в чистое серебро и золото. В 1817 году Одесса получила за оный до 50 миллионов звонкою монетою, и более 1.100 кораблей приходило сюда за пшеницею, которой вывезено было до 1.200.000 четвертей. С некоторого времени начинают вывозить из одесского порта в довольно большом количестве сало говяжье, воловьей кожи и некоторые другие товары российского произведения. Надобно надеяться, что выпуск сих различных продуктов будет год от году увеличиваться, и чрез то упрочится торговля одесская, коей благосостояние зависело доселе от весьма непостоянного и частым изменениям подверженного торгова пшеницею.

Отечественные записки. – СПб., 1830, ч. 41, кн. 117

** Они составляют главнейший доход здешних домов.

*** Главное правило к сохранению пшеницы есть как можно чаще ее пересыпать, что делается каждые десять дней, – с одной стороны магазейна на другую, для чего оставляется по двум сторонам пространства аршина два. В кучу кладется не более 700 четвертей, более было бы тяжело для самого зерна. Два человека легко пересыпают сие количество в один день, а просеять в грохот не могут более 500 четв.